

Его тон звучал так, будто изучение каллиграфии было преступлением, а лень — чем-то само собой разумеющимся.

Чу Цзэшэнь с трудом сдержал смех, слегка кашлянул и предложил:

— Может, я тебя научу?

Гу Бай, увидев, как Чу Цзэшэнь пытается скрыть улыбку, с гордостью, присущей представителю семьи каллиграфов, ответил:

— Сначала ты покажи, а я посмотрю и решу.

Чу Цзэшэнь с момента разворачивания бумаги начал демонстрировать мастерство. Гу Бай слегка скривил губы, но промолчал. Вид был внушительный.

Хотя Гу Бай не владел каллиграфией, он обладал некоторыми познаниями в литературе и мог оценить, что Чу Цзэшэнь действительно тренировался.

Каждый штрих его кисти был впечатляющим.

Чу Цзэшэнь одним махом завершил каллиграфическую работу и поставил свою печать на бумаге.

Гу Бай с завистью посмотрел на эту печать.

Чу Цзэшэнь спросил:

— Ну что, решил?

Гу Бай сделал вид, что размышляет, и через некоторое время выдал:

— Нормально.

Чу Цзэшэнь с улыбкой жестом пригласил:

— Пожалуйста, господин Гу.

Гу Бай встал на место Чу Цзэшэня, а тот убрал только что законченную работу.

Гу Бай попытался вспомнить, как Чу Цзэшэнь держал кисть, но в его голове была только печать.

Гу Бай махнул рукой и взял кисть, но в следующую секунду Чу Цзэшэнь схватил его за руку.

— Ты так ленился, что даже забыл, как держать кисть?

В ушах Гу Бая прозвучал смешливый голос Чу Цзэшэня.

Гу Бай посмотрел на их соединённые руки и после паузы сказал:

— Да, совсем забыл.

Чу Цзэшэнь начал учить Гу Бая с самого начала, взяв его длинные пальцы и вложив в них кисть.

— Бабушка учила меня держать кисть пятерным хватом. Нужно поместить её между средним и безымянным пальцами...

Гу Бай почти не слушал, что говорил Чу Цзэшэнь. Всё его внимание было сосредоточено на их соприкасающихся пальцах. От ладони к безымянному пальцу, мизинцу, среднему, а затем к большому и указательному — Чу Цзэшэнь аккуратно расположил каждый палец в правильном положении.

Кончики пальцев соприкасались, пока ладонь Чу Цзэшэня полностью не охватила его руку.

— Вот так держать кисть. Теперь я научу тебя, как наносить штрихи.

Голос раздался снова, и Гу Бай очнулся:

— Как учить?

Чу Цзэшэнь сказал:

— Вот так.

Он встал позади Гу Бая, по-прежнему держа его руку.

Между ними оставалось небольшое расстояние, Чу Цзэшэнь не прижимался к нему вплотную, но Гу Бай всё равно чувствовал тепло и давление его тела.

Перед ним было невозможно отвлечься, а за спиной — тем более.

Чу Цзэшэнь спросил:

— Готов?

Гу Бай почувствовал, что вопрос звучал странно, но сейчас у него не было дум об этом.

Он кивнул.

Чу Цзэшэнь терпеливо учил, объясняя каждый штрих.

— В каллиграфии есть три основных способа начала штриха. Сейчас я учу тебя обратному входу, когда кисть движется против направления...

Они стояли слишком близко, и холодный, слегка парфюмированный аромат Чу Цзэшэня проникал в его ноздри, окружая его целиком.

Чу Цзэшэнь говорил мягко, и Гу Баю снова стало щекотать в ушах. Ему стало не по себе, и он начал сомневаться, подходит ли ему каллиграфия вообще.

Гу Бай позволил себя вести, смутно выполняя три типа штрихов, ничего не запоминая.

Однако рука Чу Цзэшэня сжимала его всё крепче.

Рука Гу Бая непроизвольно дрогнула, и кисть, только что окунутая в тушь, оставила на бумаге кляксу, которая медленно расплывалась, как и его мысли в этот момент.

Чу Цзэшэнь заметил, что Гу Бай отвлекся, и другой рукой слегка ущипнул его за мочку уха:

— Запомнил?

Гу Бай слегка повернул голову и случайно коснулся щекой губ Чу Цзэшэня.

Оба замерли.

Они не были неопытными в жизни, но в вопросах чувств оба были чисты и не знали, как реагировать на такое.

Хотя это была всего лишь случайность.

В этот момент Мокка, лежавшая неподалёку, почувствовала неладное. Почему они замерли? Она медленно подошла к их ногам и, укусив Чу Цзэшэня за штанину, дала понять, чтобы он не обижал её хозяина.

Первым очнулся Гу Бай. Он крепче сжал кисть и сказал:

— Я немного устал.

Чу Цзэшэнь, увидев, как Гу Бай опустил глаза и его ресницы слегка задрожали, почувствовал,

как его собственное сердце дрогнуло.

Он отпустил руку Гу Бая и естественно отступил на шаг назад.

Давление исчезло, и Гу Бай невольно выдохнул.

Голос Чу Цзэшэня был тихим:

— Если устал, можешь прилечь на кровать. Мою комнату убирают каждый день.

Гу Бай положил кисть на подставку:

— Хорошо.

На протяжении всего этого времени Гу Бай не смотрел в глаза Чу Цзэшэню, не поворачивался к нему, а просто вышел из-за ширмы, сел на кровать и некоторое время смотрел в её сторону.

Он чувствовал, что с ним что-то не так. Возможно, он действительно устал, ведь сегодня встал рано.

Кровать была мягкой, а одеяло, должно быть, сменили сегодня утром, и оно источало лёгкий аромат.

Гу Бай лёг и повернулся на бок, продолжая смотреть на ширму, за которой виднелась фигура Чу Цзэшэня.

Он наблюдал, как тот берёт кисть, наносит штрихи на бумагу, и каждый из них касался его сердца.

Постепенно веки Гу Бая становились тяжелее, и он не смог сопротивляться сну, закрыв глаза.

Чу Цзэшэнь снова и снова выводил штрихи, которые они создавали вместе, пока бумага не промокла и не порвалась.

Остановив кисть, он устремил свой узкий взгляд в сторону кровати. Глубокие глаза скрывали все эмоции, которые он тут же спрятал.

Когда Гу Бай проснулся, в комнате царила тишина. Он сел на кровати.

Из-за ширмы раздался голос Чу Цзэшэня:

— Проснулся?

Гу Бай встал и подошёл к ширме, где увидел стол, заваленный каллиграфическими работами Чу Цзэшэня. Похоже, он провёл здесь весь день.

— Ты не отдыхал?

Только после этого вопроса он понял, что занял кровать хозяина, оставив тому мало места для отдыха.

Чу Цзэшэнь, казалось, не чувствовал усталости:

— Каллиграфия успокаивает. Это тоже своего рода отдых.

Он посмотрел на растрёпанные после сна волосы Гу Бая и с улыбкой добавил:

— Вот так ты ленился в детстве. Вот и забыл, как держать кисть.

Не написав и одного иероглифа, Гу Бай заявил, что устал.

Гу Бай, проснувшись, стал ещё более уверенным:

— Мне так хочется.

Чу Цзэшэнь смотрел на него с насмешкой.

В дверь постучали, и кто-то позвал:

— Молодой господин!

Чу Цзэшэнь ответил:

— Что случилось?

— Старейшина Чу хочет обсудить с вами кое-что.

Чу Цзэшэнь подошёл к Гу Баю, поправил его волосы и сказал:

— Возможно, пришли гости. Отдохни ещё немного в комнате, я позову тебя позже.

Чу Цзэшэнь вышел, а Мокка всё ещё спала. Гу Бай подошёл к столу и начал рассматривать работы Чу Цзэшэня, созданные за день.

Одна за другой — всего пятнадцать. Чу Цзэшэнь, должно быть, был очень спокоен.

В конце он заметил, что одной работы не хватает. Та, которую они создавали вместе, исчезла.

Гу Бай подумал, что, возможно, ошибся, и снова пересмотрел все листы, но так и не нашёл её.

Он не стал заикливаться на этом. Возможно, Чу Цзэшэнь решил, что эта работа недостойна его многолетнего мастерства, и выбросил её.

Это было понятно. Чем больше он смотрел на эту ужасную каллиграфию, тем больше она раздражала, и спокойствие улетучивалось.

Гу Бай не интересовался каллиграфией, но его привлекли комиксы на полке. Это было что-то новое для него, как и игры.

Он взял одну книгу, начал читать и постепенно увлёкся.

Когда Чу Цзэшэнь вернулся, рядом с Гу Баем уже лежали две прочитанные книги, а в руках он держал третью. Такой взрослый человек уместился в одном кресле, не чувствуя тесноты.

Гу Бай, увидев Чу Цзэшэня, быстро дочитал последние страницы и аккуратно положил комиксы обратно на полку.

Был уже четвёртый час дня, и Гу Бай провёл в комнате почти три часа.

Днём гостей было больше, чем утром. Чу Цзэшэнь повёл Гу Бая в гостиную.

Гу Бай увидел на столе подарочную коробку из отеля семьи Гу. Чу Цзэшэнь сказал:

— Пока ты спал, твоя старшая сестра и второй брат пришли с визитом.

<http://bllate.org/book/15495/1374477>